

О понятии единого полового преступления

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

Отсутствие в законе понятия единого преступления порождает ситуацию правовой неопределенности, в которой деяния, совершенные при сходных обстоятельствах, могут получать разную правовую оценку. Понятие единого преступления должно быть закреплено в самом уголовном законе и стать формальным основанием для его толкования в преломлении к особенностям различных групп преступлений. Для целей квалификации половых преступлений единое продолжаемое преступление может быть определено в примечании к статье, с которой начинается глава 18 УК РФ таким образом: «В тех случаях, когда два или более действия сексуального характера были совершены с единым умыслом юридически тождественными способами, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление». Возможно, такой подход станет первым шагом к созданию универсального определения, которое может быть закреплено в Общей части УК РФ, например, в ст. 141 УК РФ. Так как правоприменительная практика единое преступление определяет через понятие единого умысла, то его определение необходимо закрепить в ч. 4 ст. 25 УК РФ и определить как умысел на совершение двух или более деяний, возникший до начала совершения первого из этих деяний или в процессе совершения одного из них, когда степень конкретизации желаемых к совершению действий и их последствий позволяет определить признаки конкретного преступления или группы преступлений. Практика назначения наказания также требует, наряду с другими обстоятельствами, учета количества эпизодов преступного воздействия на потерпевшего, а также длительности периода преступного воздействия на него, что необходимо отразить в акте официального толкования.

Ключевые слова: половые преступления, изнасилование, развратные действия, единое преступление, продолжаемое преступление, единый умысел.

On the Concept of a Single Sexual Crime

N. V. Tydykova

Altai State University

Lenin St., 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The absence in the law of the concept of a single crime gives rise to a situation of legal ambiguity in which acts committed under similar circumstances may receive different legal assessments. The concept of a single crime should be enshrined in the criminal law itself and become the formal basis for its interpretation in relation to the characteristics of various groups of crimes. For the purposes of qualifying sexual crimes, a single continuing crime can be defined in the footnote to the article with which Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation begins as follows: «In cases where two or more acts of a sexual nature were committed with the same intent in legally identical ways, the act should be considered as a single continuing crime». Perhaps this approach will be the first step towards creating a common definition that can be enshrined in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, for example, in Art. 141 of the Criminal Code of the Russian Federation. Since law enforcement practice defines a single crime through the concept of single intent, its definition must be enshrined in Part 4 of Art. 25 of the Criminal Code of the Russian Federation and defined as intent to commit two or more acts that arose before the first of these acts or in the process of committing one of them, when the degree of specification of the desired actions and their consequences makes it possible to determine the characteristics of a specific crime or group of crimes. The practice of imposing punishment also requires, along with other circumstances, taking into account the number of episodes of criminal influence on the victim, as well as the duration of the period of criminal influence on them, which must be reflected in the act of official interpretation.

Key words: sexual crimes, rape, sexual abuse, single crime, continuing crime, single intent.

Вопрос о продолжаемом преступлении имеет практическое значение. В п. 2 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» продолжаемые определялись как преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. Такой подход, предлагаемый в качестве универсального для всех случаев, явно не учитывал потребностей различных групп преступлений, в том числе и половых. Сложности усматриваются с установлением направленности действий к единой цели. Цель половых преступлений не названа в тексте закона в действующей редакции, а в доктрине определяется как удовлетворение своей или чужой половой потребности или возбуждение полового интереса у других лиц. Соответственно, нужно решить вопрос, требует ли признак единства цели удовлетворение одного конкретного желания, которое возникло у лица в определенный момент времени, или допускается удовлетворение половой потребности как таковой в любой момент времени, когда бы она ни возникла. Решение этого вопроса зависит от подхода к пониманию половой потребности: как к конкретному желанию, специфическому физиологическому ощущению, возникшему в определенный период времени, или как к инстинкту. Первый вариант исключает признание деяния единым, если оно совершалось при разрыве во времени, так как каждый раз у лица возникает новая потребность. В литературе также высказываются идеи о том, что о продолжаемом преступлении можно говорить, если ряд актов преступного поведения порождены желанием удовлетворить одну и ту же потребность (а не ряд тождественных потребностей) в одной и той же конкретной жизненной ситуации [Михайленко 2014: 72-75]. Второй вариант из-за широкого понимания единства цели, когда цель будет единой почти всегда (кроме случаев, когда последующие действия совершались для удовлетворения не своей половой потребности, а потребности третьего лица), приведет к тому, что единственным критерием, который позволит разграничивать единые преступления и совокупность нескольких преступлений, будет непродолжительность времени совершения действий. При обоих вариантах интерпретации единство цели не имеет практической значимости для квалификации этой группы преступлений.

Вероятно, по причине сложности установления признака единства цели, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее - Постановление Пленума № 16) толкует это понятие, указывая на то, что когда несколько изнасилований, либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего и обстоятельства свидетельствовали о едином умысле виновного, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление.

Анализ практики показывает, что и такой подход не позволяет эффективно решать необходимые вопросы. В частности, это связано с тем, что критерий непродолжительности времени не вызывает проблем, только если перерыв во времени между действиями не превышал десятков минут, а все действия были совершены в одном месте. Однако практика чаще сталкивается с более сложными случаями, из-за чего вышеприведенная рекомендация Верховного Суда РФ вызывает критику в литературе. В каждом конкретном случае правоприменителю необходимо определять, укладывается ли временной период в границы «непродолжительного» времени. А перерыв в выполнении объективной стороны на недели и месяцы как таковой, свойственный для половых преступлений, совершаемых, например, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, вряд ли может признаваться непродолжительным, поэтому практика может использовать критерий непродолжительного времени лишь как одно из обстоятельств, которое, в частности, может свидетельствовать о единстве умысла. Отдельными авторами предлагалось отказаться от использования критерия «непродолжительное» время, а единству умысла придать статус единственного критерия [Залов 2014: 28-29]. Именно такая идея и была реализована в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» (далее - Постановление Пленума № 43), в котором продолжаемое преступление определено как состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом. Понятие единого умысла, ориентироваться на который предлагает и Постановление Пленума № 16, вызывало наибольшие сложности при решении вопроса о признании деяния единым, так как отсутствовало его официальное толкование. Постановление Пленума № 43 в п. 4 указывает, что о единстве умысла виновного могут свидетельствовать, в частности, совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели. Но анализ вопросов, возникающих в практике, позволяет сказать, что и предложенное разъяснение не может решать все квалификационные вопросы.

Так, затруднения вызывают случаи совершения насильственных действий сексуального характера и развратных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета, так как отправка сообщений и файлов интимного характера может происходить на протяжении достаточно длительного времени (месяцев или даже лет) с некоторыми перерывами. Практика показывает, что даже длительные периоды времени не являются препятствием для оценки таких деяний как единого преступления (например [Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Саха (Якутия) за 2021 год]). Аналогичные примеры приводят и другие авторы [Быкова 2017: 23]. В таких ситуациях причины перерывов в общении на интимные темы могут быть разными: отсутствие у самого виновного технической возможности вести переписку, отсутствие «в сети» потерпевшей или временное игнорирование сообщений от виновного с ее стороны, переписка с другими потерпевшими или иные обстоятельства, которые не могут свидетельствовать о полной

реализации умысла виновного и его оценки преступления в качестве уже оконченного. Так как критерий непродолжительности времени в данном случае отсутствует, а аналогичный способ, объект преступного посягательства и один потерпевший сами по себе не могут свидетельствовать о единстве умысла, то только направленность деяний на достижение общей цели, следуя предложенной трактовке, может дать ответ на вопрос. Однако, как было сказано выше, установление единства цели в половых преступлениях весьма затруднительно.

Неопределенность усматривается и в такой критерии, как тождественность действий, так как из текста акта толкования с очевидностью не ясно, о юридической или фактической тождественности идет речь. Например, практика сталкивается с проблемами оценки действий сексуального характера и развратных действий, которые были совершены с существенным временным разрывом и в разных формах: контактных и бесконтактных. Так как форм проявлений действий сексуального характера и развратных действий множество, необходимо решить вопрос о том, можно ли их все признать тождественными ввиду объединяющего их сексуального характера. Думается, что тождественность действий предполагается в юридическом смысле. Так как практика знает исключения, когда квалификация единого преступления допускает охват его признаками деяний, которые закреплены в разных составах преступлений, то юридическая тождественность не требует обязательности квалификации таких деяний по одной статье.

Указание на аналогичность способа совершения преступления также вызывает вопрос о том, требует ли она полной идентичности или допускает вариативность, например при условии одинаковой правовой оценки. Такое решение, в частности, требуется для квалификации разных эпизодов понуждения к действиям сексуального характера. В одних случаях практика несколько эпизодов понуждения к действиям сексуального характера, совершенных в разные дни или месяцы в отношении одной потерпевшей, квалифицирует как одно преступление [Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула от 11.05.2022 по делу № 2 -43/22; Бюллетень судебной практики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и гражданским делам, вытекающим из семейных правоотношений, за 3 квартал 2019 г], в других – как разные преступления. Так, по одному делу суд указал, что понуждение потерпевшего к мужеложству длилось на протяжении длительного времени – двух лет, а между актами мужеложства с потерпевшим проходили значительные временные промежутки, действия виновным каждый раз совершались заново, новым способом, реализовывались по-разному, но по схожему сценарию, что свидетельствует о возникновении у осужденного нового умысла. В связи с этим каждое противоправное действие в отношении потерпевшего было квалифицировано как совершение отдельного преступления (всего 18 преступлений) [Справка по результатам проведенного Самарским областным судом анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел о совершении преступлений в сфере компьютерных технологий]. Видится, что аналогичность способа, как и тождественность действий, также предполагает юридическую аналогичность, т. е. в едином преступлении способы могут быть разными (например, шантаж и угроза уничтожением имущества). Что касается вопроса о возможности их квалификации по разным нормам, то он решается в зависимости от того, имеет ли место совокупность норм или их конкуренция.

Кроме того, проблемой приведенного разъяснения является и то, что все перечисляемые признаки сами по себе с необходимостью не свидетельствуют о единстве умысла, так как перечисляются как вероятные для этого явления.

Сказанное выше обосновывает необходимость толкования продолжаемого полового преступления с учетом потребностей современной практики, например в редакции: «В тех случаях, когда два или более действия сексуального характера были совершены с единым умыслом юридически тождественными способами, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление». Такое определение уточнит содержание признака тождественности и сохранит сложившееся в практике понимание единого преступления как совершаемого с единым умыслом. Учитывая, что понятие единого преступления имеет важное инструментальное значение, целесообразным видится его закрепление в тексте закона. Допуская, что особенности других групп преступлений могут потребовать учета других аспектов и их иной оценки (например, множественности потерпевших при мошенничестве или террористическом акте), видится целесообразным такое понятие сформулировать в примечании к статье, которой начинается глава 18 УК РФ. Такой подход позволит соответствующие определения формулировать для целей квалификации различных групп преступлений. Возможно, такой подход станет первым шагом к созданию универсального определения, которое может быть закреплено в Общей части УК РФ, например в ст. 141 УК РФ.

При таком подходе потребуются и уточнение единого умысла. Так как особенности совершения половых преступлений не позволяют считать незначительность разрыва во времени между разными эпизодами универсальным критерием, определение общей цели представляет собой сложности, а один объект (половая свобода или половая неприкосновенность) и один потерпевший также самостоятельно не определяют его решение, то необходимы и иные критерии. Постановление Пленума № 43 определяет понятие единого умысла через описание внешних признаков, посредством которых он может быть проявлен, игнорируя то, что само по себе определяемое понятие представляет собой категорию, относящуюся к субъективной стороне и требующую определения, в том числе, и через признаки, описывающие внутреннее отношение лица к совершенному. Существование единого умысла не представляется возможным при наличии временного разрыва в его формировании на различные эпизоды совершаемого, что исключало бы его единство, поэтому очевидна необходимость закрепления в определении этого понятия единства момента формирования. О том, что правоприменительная практика придерживается аналогичной позиции, свидетельствует указание в ряде материалов на продолжение реализации ранее возникшего умысла при обосновании его единства на совершение ряда действий. Так как формирование в конкретной точке времени умысла на совершение более чем одного преступного деяния в отношении одного потерпевшего может быть существенно

удалено от момента начала, а тем более – продолжения его реализации, то степень конкретизации желаемых к совершению действий может быть различной и варьироваться от «совершение как можно большего количества любых насильственных деяний, которые удастся совершить» до достаточно высокой степени конкретизации признаков желаемых деяний и их количества. В первом случае неконкретизированный умысел не позволяет детализировать то, какие именно преступления лицо желает совершить, поэтому такое желание совершить преступление вряд ли можно определить как формирование умысла, в таком случае умысел на совершение каждого последующего преступления будет формироваться, как представляется, заново и автономно. Это связано с тем, что законодатель, формулируя определения прямого и косвенного умысла в ст. 25 УК РФ, определяет их, в том числе, через отношение к наступлению общественно опасных последствий действий, что невозможно без их осознания и конкретизации до степени, позволяющей дать соответствующую оценку. Достаточной степенью такой конкретизации можно считать определение признаков деяния, которые определяют объект посягательства, и его способ, позволяющих в общем виде определить желаемое к совершению преступление, например изнасилование или иное преступление, направленное на нарушение половой свободы.

Обобщая сказанное, единый умысел можно определить как умысел на совершение двух или более деяний, возникший до начала совершения первого из этих деяний или в процессе совершения одного из них, когда степень конкретизации желаемых к совершению действий и их последствий позволяет определить признаки конкретного преступления или группы преступлений.

Такой подход позволяет принимать квалификационные решения и в тех случаях, когда разрыв во времени между эпизодами совершения деяний в отношении одного потерпевшего был существенный.

Так как понятие единого умысла представляет собой инструментальную ценность для всех преступлений, а предложенный подход можно считать универсальным, то видится необходимость закрепления его в Общей части УК РФ, например в ч. 4 ст. 25 УК РФ.

Решая вопрос о критериях единого продолжаемого полового преступления, необходимо понимать, что он не только и не столько теоретический, сколько практический. В случае необоснованно широкой трактовки единого продолжаемого преступления сложится ситуация, когда виновные понесут наказание в пределах санкции одной статьи, что создаст ощущение наказуемости только за 1 эпизод деяния и восприятие того, что «все остальное включено». При назначении наказания за конкретное деяние или совокупность деяний также необходимо учитывать, что необходимо исключить ситуации, когда лицо, реализующее умысел более интенсивно (за короткий промежуток времени несколько половых актов), не понесло бы более мягкое наказание, чем то, которое действовало менее интенсивно. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ может быть отражено положение следующего содержания: при назначении наказания за преступления против половой свободы или половой неприкосновенности личности, наряду с другими обстоятельствами, необходимо учесть количество эпизодов преступного воздействия на потерпевшего, а также длительность периода преступного воздействия на него.

Таким образом, рекомендации, предложенные в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, не способны решить имеющиеся в правоприменительной практике проблемы. Очевидно, что значимая инструментальная роль понятия единого преступления и единого умысла требует внесения дополнений в действующий уголовный закон. Только при таком подходе будет достигнута необходимая степень формальной определенности рассмотренного понятия.

Литература

- Апелляционное определение N 22-1552/2021. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/пазвратные%20действия%20сети%20интернет:53>.
- Быкова Е. Г., Яшков С. А. О квалификации изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенных в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста / Уголовное право. - 2017. - № 3. - С. 23.
- Бюллетень судебной практики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и гражданским делам, вытекающим из семейных правоотношений, за 3 квартал 2019 г. (утв. президиумом Свердловского областного суда 18 декабря 2019 г.). URL: <https://demo.garant.ru/#/document/73403981/paragraph/1/doclist/3794/15/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:40>
- Залов А. Ф. Проблемы квалификации продолжаемых изнасилований / Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - №1(27). - С. 28-29.
- Михайленко И., Силаев С. О продолжаемых преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы / Уголовное право. - 2014. - № 5. - С. 72-75.
- Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Саха (Якутия) за 2021 год. Апелляционное определение № 22-1552/2021. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/пазвратные%20действия%20сети%20интернет:53>.

Приговор Ленинского районного суда г.Барнаула от 11.05.2022 по делу № 2-43/22 / Архив Ленинского районного суда г. Барнаула.

Справка по результатам проведенного Самарским областным судом анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел о совершении преступлений в сфере компьютерных технологий. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/3794/24/0/0/понуждение%20к%20действиям%20сексуального%20характера:45>

References

Appeal ruling No. 22-1552/2021. Available from:

<https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/depraved%20actions%20network%20internet:53> (in Russian).

Bulletin of judicial practice on criminal cases against minors and civil cases arising from family legal relations for the 3rd quarter of 2019 (approved by the Presidium of the Sverdlovsk Regional Court on December 18, 2019). Available from: <https://demo.garant.ru/#/document/73403981/paragraph/1/doclist/3794/15/0/0/compulsion%20to%20actions%20sexual%20character:40> (in Russian).

Bykova, E. G., Yashkov, S. A. (2017). On the qualification of the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors committed against a person under fourteen years of age. *Criminal Law*, 3, 23 (in Russian). Information based on the results of the Samara Regional Court's analysis of judicial practice in considering criminal cases involving crimes in the field of computer technology. Available from:

<https://demo.garant.ru/#/document/405909877/paragraph/1/doclist/3794/24/0/0/compulsion%20to%20actions%20sexual%20character:45> (in Russian).

Mikhailenko, I., Silaev, S. (2014). On continuing crimes against sexual integrity and sexual freedom. *Criminal law*, 5, 72-75 (in Russian).

Review of the appeal practice of the judicial panel in criminal cases of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2021. Appeal determination No. 22-1552/2021. Available from:

<https://demo.garant.ru/#/document/403761684/paragraph/1/doclist/1110/showentries/0/highlight/развратные%20действия%20сети%20интернет:53>.

Verdict of the Leninsky District Court of Barnaul dated May 11, 2022 in case No. 2 -43/22. Archive of the Leninsky District Court of Barnaul (in Russian).

Zalov, A. F. (2014). Problems of qualification of continued rape. *Legal science and law enforcement practice*, 1(27), 28-29 (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н. В. О понятии единого полового преступления // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 40-44.

Tydykova N. V. (2024) On the Concept of a Single Sexual Crime. *Legal Linguistics*, 31, 40-44.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License